

DOI: 10.31857/S013038640010331-2

© 2020 г. Г. А. КОСМОЛИНСКАЯ

РУССКИЙ СТУДЕНТ В ПАРИЖЕ XVIII века: НОВЫЕ ДАННЫЕ К БИОГРАФИИ Ф. В. КАРЖАВИНА

Космолинская Галина Александровна — старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: centre18@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена пребыванию и обучению в «парижских школах» разночинца Федора Васильевича Каржавина (1745–1812). Его жизнь оказалась тесно связанной с Францией и Соединенными Штатами Америки, где он был не только внимательным наблюдателем, но и участником происходивших во второй половине XVIII в. исторических событий. Однако при обращении к французской биографии Каржавина обнаруживаются существенные лакуны, требующие новых архивных разысканий. Настоящая статья впервые вводит в научный оборот документы, выявленные автором в Архиве внешней политики Российской империи. Среди них — оригинальная французская версия записки парижского опекуна Каржавина книготорговца Жана Тома Эриссана, которая ранее была известна лишь в русском переводе, хранящемся среди бумаг историка Б. И. Коплана в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки в Петербурге. Записка, поданная в июле 1760 г. на имя императрицы, содержала подробнейший отчет об успехах Каржавина в учебе и программу его дальнейшего обучения в университете, имея целью закрепить статус опекуна *de jure* с соответствующим вознаграждением. Ее анализ в контексте дипломатической переписки между Коллегией иностранных дел (М. И. Воронцов) и Парижской миссией (Д. М. Голицын, П. Г. Чернышев) позволяет прояснить ряд обстоятельств в истории «русского парижанина» Федора Каржавина, а также уточнить особенности обучения в католической Сорбонне, куда в XVIII в. время от времени попадали россияне, хотя конфессиональная специфика гуманитарного образования и ограничивала их численность.

Ключевые слова: эпоха Просвещения, Парижский университет, коллеж, гуманитарное образование, Коллегия иностранных дел, католицизм, янсенизм.

G. A. Kosmolinskaya

A Russian Student in 18th Century Paris: New Data for the Biography of Théodore Karjavine

Galina Kosmolinskaya, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: centre18@mail.ru

Abstract. The article examines the sojourn in France of Théodore Karjavine (1745–1812), a Russian commoner (*raznochinets*), and, in particular, his studies at «Parisian schools». Karjavine's life was intricately connected with both France and the United States of America. Wherever he went he was not only an attentive observer, but also a participant in the historical events taking place in the second half of the 18th century. However, when one turns to the

French episodes in Karjavine's biography, significant gaps emerge that require new archival searches. This article introduces new documents uncovered by the author in the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (Moscow), and provides the first scholarly analysis of them. Among these, in particular, is the original French version of the note «Mémoire concernant Théodore Karjavine de Saint Petersburg» (July 5/16, 1760) composed by Karjavine's guardian, the Paris bookseller Jean-Thomas Hérissant, addressed to the Russian Empress through the acting ambassador in Paris, Prince Dmitry Mikhailovich Golitsyn. The contents of this «Mémoire» had previously been known only in an anonymous Russian translation, kept among the papers of the historian Boris Koplan in the Manuscript Department of the Russian National Library in St. Petersburg. The memoir providing an incredibly detailed account of Karjavine's academic success and his program of further studies at the university, had the aim of securing for Hérissant the status of *de jure* guardian with appropriate remuneration. The analysis of Hérissant's allows us to clarify a number of circumstances in the history of the «Russian Parisian» Fedor Karjavine, as well as to clarify features of training in the Catholic Sorbonne in the 18th century, where some Russians studied from time to time.

Keywords: the Age of Enlightenment, University of Paris, College, humanitarian education, College of Foreign Affairs, catholicism, jansenism

Необычная биография Федора Васильевича Каржавина (1745–1812) уже в XIX в. привлекла внимание историков, в распоряжении которых оказались материалы из его личного архива и библиотеки¹. Позднее этот петербургский разnochинец, живший в Париже и получивший образование в Сорбонне, хорошо усвоивший максимум «первое из удовольствий — удовольствие знать»², придирчивый читатель Вольтера, переводчик, автор новаторского учебника французского языка, лексикограф, издатель, страстный книголюб, собравший замечательную библиотеку и коллекцию изобразительных материалов, человек явно авантюрного склада, много странствовавший по Старому и Новому свету, — «чужой» на родине, но и «не свой» на чужбине, — стал героем нескольких романов и кинофильмов. В советское время о Ф. В. Каржавине много и охотно писали, нередко пытаясь сделать из него «второго Радищева». Идеологическая тенденция начала меняться с конца 1970-х годов после появления публикаций, содержащих новые материалы, более взвешенные оценки, выводы и трактовки³.

Жизнь Каржавина оказалась тесно связанной с Францией и Соединенными Штатами Америки⁴ — он был не только внимательным наблюдателем, но и участником

¹ Прежде всего это публикации материалов из архива Каржавина, подготовленные Н. П. Дуровым (Русская старина, т. 12, кн. 2, 1875, с. 272–295) и П. П. Пекарским (Сборник отделения русского языка и словесности (далее — сб. ОРЯС), т. 9. СПб., 1872, с. 408–424); о судьбе наследия Ф. В. Каржавина см.: Березин-Ширяев Я. Ф. Николай Павлович Дуров: из воспоминаний библиофила. СПб., 1887; Долгова С. Р. Судьба библиотеки Федора Каржавина // Альманах библиофила, вып. 2. М., 1975, с. 166–168; Полонская И. М. Книги из библиотеки и с автографами Ф. В. Каржавина в собрании отдела редких книг // Труды ГБЛ. История книги. Работы отдела редких книг, т. 14. М., 1978, с. 130–132.

² Строка из поэмы Ж. Делиля «Épître sur les Voyages» (1765), выделенная Каржавиным при чтении «Journal encyclopédique» (т. 7, part. 2, 1765, p. 104); здесь же следы его чтения рецензии на два похвальных слова Декарту (p. 51, 60–61 и др.) — экз. РГБ, см. Полонская И. М. Указ. соч., с. 139.

³ Новые тенденции отражены в работах: Старцев А. И. Был ли Каржавин другом Радищева? // Вопросы литературы, 1971, № 4, с. 168–173; Болховитинов Н. Н. Был ли Ф. В. Каржавин американским «корреспондентом» Н. И. Новикова? // Вопросы истории, 1986, № 4, с. 170–172; Об освещении жизни и деятельности Ф. В. Каржавина (Дискуссия об общественно-политических взглядах Каржавина) // Вопросы истории, 1987, № 12, с. 159–168, и др.

⁴ Каржавин был одним из первых русских, оказавшихся на американском континенте во время войны за независимость североамериканских колоний.

происходивших там во второй половине XVIII в. исторических событий. Однако при обращении к его французской (как и американской) биографии обнаруживаются существенные лакуны, требующие новых архивных разысканий.

Биографы Ф. В. Каржавина уже давно обратили внимание на одно редкое свидетельство пребывания в «парижских школах» юного россиянина, нелегально вывезенного отцом за границу для обучения иностранным языкам. Это «Записка парижского книгопродавца о Федоре Каржавине», имеющая подпись и дату: «Г[осподин] Гериссан, книгопродавец, улица св. Якова, Париж, 5 июля 1760». До сих пор данный документ был известен только в русском машинописном переводе XX в., хранящемся в Отделе рукописей (ОР) Российской национальной библиотеки (РНБ), среди бумаг Бориса Ивановича Коплана (1898–1941/1942), автора неопубликованной монографии о Каржавине⁵.

В работах исследователей, ссылавшихся на «Записку парижского книгопродавца» из архива Коплана, вопрос о ее исходном французском тексте не затрагивался, а русский анонимный перевод не рассматривался с критической точки зрения и соответственно не публиковался.

Между тем в монографии Б. И. Коплана содержится указание на место хранения заинтересовавшего его источника, а именно Рукописный отдел Государственного литературного музея в Москве⁶. Однако из этого краткого примечания неясно, идет ли речь о французском оригинале или только о его русском переводе.

Мы не знаем, каким образом этот документ мог попасть в московский Литературный музей. Известно лишь, что уже в 1934 г. «Записка» оказалась в руках Коплана, работавшего над вторым вариантом своей монографии⁷, куда он впервые и включил ее в русском переводе⁸.

Наши разыскания в Рукописном отделе нынешнего Литературного музея не дали результата и были продолжены в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ)⁹; однако и там никаких следов французской записки или ее

⁵ РНБ ОР. Ф. 370 Б. И. Коплан – С. А. Коплан-Шахматова, № 56, 6 л. Б. И. Коплан, филолог, сотрудник Пушкинского дома, дважды арестовывался во время сталинских репрессий, расстрелян в 1941 г. (по другим сведениям – в 1942 г.); его монография о Ф. В. Каржавине, оставшаяся в рукописи, до сих пор не утратила своего научного значения. Сохранилось два варианта текста – рукописный 1932 г. (там же, № 5) и созданный позже машинописный текст без даты (№ 6).

⁶ Б. И. Коплан «Иван Бах российский доктор или Федор Васильевич Каржавин...», рукопись, 1932 г // РНБ ОР. Ф. 370, № 5, л. 288; здесь в разделе «Источники» фиолетовыми чернилами добавлен номер 7 (старый № 7 стал № 7а): «Хранится в Рук. Отд. Гос. Лит. Музея в Москве»; на л. 51 помета карандашом, предполагающая вставку: «см. записку» (на л. 1 «Записки» также пометы карандашом: «к стр. 51» и «ГЛМ»). Благодарю Б. А. Градову за помощь в этих разысканиях.

⁷ Б. И. Коплан. «Из истории литературы и культуры второй половины XVIII века: Федор Каржавин», машинопись, без даты // Там же, № 6. Текст создавался явно с учетом рекомендаций Я. Л. Барскова, изложенных в его отзыве на монографию 8 мая 1934 г. (Там же, № 55).

⁸ Там же, № 6, л. 35–39. Гипотетически перевод мог принадлежать самому Коплану, но утверждать определенно это мы не можем.

⁹ В 1941 г. по распоряжению Главного архивного управления НКВД СССР фонды рукописного отдела Литературного музея вместе с учетной документацией были в срочном порядке практически полностью переданы в новообразованный Центральный государственный литературный архив (ныне – Российский государственный литературный архив, РГАЛИ). Этому предшествовало увольнение в марте 1940 г. директора музея В. Д. Бонч-Бруевича, не согласного с политикой уничтожения «ненужных» документов. О существовании различных, в том числе противоположных, оценок его деятельности на этом посту см. *Матханова Н. П.* В. Д. Бонч-Бруевич и «академическое дело»: помощь репрессированным историкам // Сибирская ссылка. Иркутск, 2017, с. 519–535.

русского перевода нам обнаружить не удалось. Как выяснилось, оригинальная французская версия «Записки парижского книгопродавца» все же существует — «Memoire Concernant Theodore Karjavine de Saint Petersburg», подписанный «J. Hérissant libraire rue St Jacques», хранится в папке с надписью «Дело Каржавина» в фонде «Парижская миссия» Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ)¹⁰. Там же отложилась переписка, которая велась по поводу Ф. В. Каржавина и его родного дяди (см. о нем ниже) с апреля по сентябрь 1760 г. между канцлером Михаилом Илларионовичем Воронцовым и князем Дмитрием Михайловичем Голицыным, фактически исполнявшим обязанности посла в Париже в то время¹¹.

Дипломатическая переписка и другие документы АВПРИ многое проясняют в истории с «Mémoire» Эррисана¹², прежде всего обстоятельства его появления. Картина последовавших затем перемен в жизни русского студента Парижского университета восстанавливается из его писем к отцу, хранящихся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (далее — ИРЛИ) и частично опубликованных¹³. Данные источники позволяют также выявить круг лиц, имевших отношение к этой истории, уточнить их роли, мотивацию решений и поступков.

В июле 1760 г. Жан Тома Эррисан (1704–1772), подписывая свой «Mémoire» о Федоре Каржавине, опекуном которого он состоял с 1756 г., скромно называл себя парижским книготорговцем с улицы Сен-Жак¹⁴. Через три года он приобрел печатное оборудование и словолитню у Жана Жака Этьена Колломба (Collombat), получив патент ординарного печатника короля, а в 1764 г. занял должность единственного печатника Кабинета, ведомства королевских имуществ и строений¹⁵.

Как ни странно, к улучшению положения 52-летнего книготорговца имела некоторое отношение Коллегия иностранных дел в далеком Петербурге. В сентябре 1760 г. она официально признала его опекуном российского подданного на весьма выгодных для него условиях. Не в последнюю очередь тому способствовал «Mémoire», которым Эррисан сумел произвести самое благоприятное впечатление на чиновников дипломатического ведомства, и прежде всего на канцлера М. И. Воронцова.

¹⁰ АВПРИ. Парижская миссия. Оп. 94/1, № 7, 1760 г. Л. 10–16 об. В ходе работы мы обнаружили упоминание о документе, вероятно, имеющем отношение к интересующему нас сюжету: «Placet de l'imprimeur J.-Th. Hérissant à l'impératrice de Russie, au sujet d'une jeune russe, Érofée Karjavine, qu'il avait élevée en 1756, à Paris» — в составе сборника, поступившего в Отдел рукописей Национальной библиотеки Франции в 1913–1914 гг. (NAF 22176, fol. 161), см. *Omont H.* Nouvelles acquisitions du Département des manuscrits de la Bibliothèque Nationale pendant les années 1913–1914 // *Bibliothèque de l'École des chartes*, t. 76, 1915, p. 89. Трудно сказать, что представляет собой это «Прошение», поскольку его описание в Генеральном каталоге Национальной библиотеки (URL: <https://archivesetmanuscrits.bnf.fr/ark:/12148/cc7108n>, дата обращения 12.09.2019), выполненное еще Анри Омоном, требует уточнений.

¹¹ Д. М. Голицын находился в Париже при заболевшем М. П. Бестужеве-Рюмине (1688–1760) вплоть до 28 мая 1761 г., когда был назначен послом в Вену.

¹² В предшествовавших работах о Каржавине воспроизводилась форма имени, принятая в документах Коллегии иностранных дел: «Гериссан/Герисан»; фонетической норме более соответствует форма Эррисан.

¹³ ИРЛИ ОР. Ф. 93 Собр. П. Я. Дашкова. Оп. 2, № 100; Ф. В. Каржавин. Письма отцу (Публикация и комментарий С. Р. Долговой) // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980, с. 224–241.

¹⁴ Подробный адрес указан на обложках книготорговых каталогов Эррисана, например: *Catalogue des livres de Jean-Thomas Hérissant, libraire a Paris, rue S. Jacques, au coin de la rue de la Pacheminerie, a S. Paul & a S. Hilaire. [Paris], 1760.*

¹⁵ *Mellot J.-D., Queval É., avec coll. de Monaque A.* Répertoire d'imprimeurs / libraires (vers 1500 – vers 1810). Paris, 2004, p. 288.

При каких обстоятельствах произошло установление опеки парижского книго-торговца над русским мальчиком?

Василий Никитич Каржавин (ум. 1786), отец мальчика, был потомственным ямщиком из семьи старообрядцев Рогожской слободы, занимавшихся мелкой розничной торговлей в Москве и поставками кожевенного товара для армии¹⁶. Наследственный торговый промысел, в котором он весьма преуспевал, требовал разъездов — в малороссийский Нежин, Польшу, Петербург, где и родился его старший сын Федор.

Занявшись внешнеторговыми операциями, Василий Никитич несколько раз пытался перейти из ямского в купеческое звание¹⁷, чтобы получить возможность легально выезжать за границу, но до 1764 г. на свои прошения получал отказ¹⁸. Стремясь привить сыну «охоту к наукам», он вознамерился дать ему европейское образование, для чего в ноябре 1752 г. «без всякого позволения» и «без пашпорта» вывез его за границу. Через Ригу и Данциг они добрались до Лондона в январе 1753 г.; здесь Василий Никитич передал семилетнего Федора¹⁹ на попечение своему младшему брату Ерофею Никитичу, уже несколько лет обучавшемуся в Сорбонне. Содержание обоих в Париже взял на себя отец мальчика.

В начале 1756 г. положение дяди и его племянника (и без того непростое) крайне осложнилось — в Петербурге Василий Никитич оказался под следствием. Его арестовали по анонимному доносу из Лондона, поступившему, как выяснилось в ходе следствия, от беглого московского часовщика Петра Дементьева, через которого шла переписка братьев²⁰. В результате младший брат и сын В. Н. Каржавина остались в Париже без средств к существованию. К тому же оба они числились беглыми (покинувшими Россию нелегально) и безнаказанно вернуться на родину не могли. Сочувствовавшие им достаточно известные французские ученые — Филипп Бюаш²¹ и Жан-Луи Барбо де ла Брюйер²² — не раз пытались «обеспечить положение во Франции двух молодых русских, которых любовь к знаниям побудила покинуть свою страну»²³, подавали ходатайства о принятии Каржавиных в подданство французскому королю, поддерживали их материально²⁴, а также помогли найти мальчику

¹⁶ Долгова С. Р. Творческий путь Ф. В. Каржавина. Л., 1984, с. 12.

¹⁷ «Очень меня заморский торг к себе волочет» — писал В. Н. Каржавин брату в Париж 15 июня 1753 г. (Сб. ОРЯС, т. 9, с. 411).

¹⁸ В 1755 г. он подавал прошения через Игнатия Соловцова, управляющего графа Алексея Кирилловича Разумовского, а также через некую Анну Ивановну Пребышевскую (там же, с. 418). Только 3 марта 1764 г. В. Н. Каржавин «был записан в купечество по именному е. и. в. указу» // Долгова С. Р. Творческий путь Ф. В. Каржавина, с. 35, прим. 8.

¹⁹ 20 января мальчику исполнилось восемь лет.

²⁰ Знакомый Каржавиных обвинял их в религиозном вольнодумстве и антиправительственных высказываниях; донос, датированный 16 мая 1755 г., поступил в сыскное ведомство 19 января 1756 г., текст см.: Архив князя Воронцова, кн. 3. М., 1871, с. 308–319; см. также: Косан Ю. Я. Очерки по истории русской атеистической мысли XVIII в. М., 1962, с. 101–120.

²¹ Филипп Бюаш (1700–1773) — выдающийся картограф, королевский географ (1729 г.), ученик и зять знаменитого картографа Гийома Делиля (брата астронома Жозефа-Николя Делиля), публиковавший его наследие.

²² Жан-Луи Барбо де ла Брюйер (1710–1781) — географ, картограф, историк, переводчик записок Страленберга о России (1757 г.); составитель (совместно с Ф. Бюашем) «Mappemonde historique» (Paris, 1750) и «Explication générale de la Mappemonde historique» (Paris, 1750), изданной Эриссаном.

²³ Notice historique sur la vie et les ouvrages de M. Barbeau de La Bruyère, mort en 1781 // Mercure de France, Paris, 1782, n° 4, 26 janvier, p. 152.

²⁴ В некрологе Барбо де ла Брюйера его благотворительность по отношению к «двум молодым русским» подчеркивалась особо: «И хоть сам он не был обеспеченным человеком, он пожертвовал им свою ренту в 400 ливров — единственное богатство, доставшееся ему от отца» (ibidem).

опекуна, чтобы тот мог продолжить обучение. Дяде же его ничего не оставалось, как просить брата Василия²⁵ и петербургского негоцианта Жана Мишеля²⁶, которым покровительствовал канцлер Воронцов, о содействии в возвращении его на родину. Их усилия принесли плоды, и 28 апреля (9 мая) 1760 г. Воронцов писал в Париж Голицыну: «Небезызвестно может быть Вашему сиятельству, что в Париже находится один из наших земляков именем Каржавин, а родом из московской ямской слободы. Я слышу от брата его (Василия Никитича. — Г. К.), да и сам он писал сюда к господину Мишелю, что желал бы возвратится в отечество, но только опасается наказания за то, что без позволения выехал»²⁷.

В письме Воронцова содержалась аргументация, которая должна была убедить беглеца вернуться, а для большей убедительности Голицыну предлагалось ознакомить его с самим письмом²⁸: «Сколько неосновательно сие его (Ерофея Каржавина. — Г. К.) опасение, нет мне нужды пространно вам описывать, довольно вкратце сказать, что он, употребляя время в пользу приобретением многих знаний и наук, болше высочайшей Ея Императорскаго Величества милости, нежели гнева, достоин и всемерно уверен быть может, что здесь по собственной его способности и выбору к пристойному месту определен будет на пример — при Академии наук, в Московском университете или у нас в Коллегии иностранных дел. В одном или другом месте получит он достаточное к безбедному житью содержание, и не увидит, чтоб низкая его порода к укоризне или к предъсуждению когда либо служить могла; но паче самым искусством удостоверится, что здесь болше персональные качества, нежели знатность рода без достоинств уважаются. Сими и другими не менее справедливыми рассуждениями не трудно будет, надеюсь я, вашему сиятельству доказать ему, сколь напрасно он тревожится, [...]. Не дастся ему здесь причины разкаяться в том, что последовал вашему и моему совету»²⁹.

Содержание этого крайне любопытного документа стоило бы рассмотреть в контексте идей, активно обсуждавшихся на рубеже 1750—1760-х годов в российских журналах, — о дворянском (и даже внесловном!) образовании. Тем более что одновременно и на уровне правительственной политики попытки закрепить представления о необходимости хорошего образования для дворян предпринимались фаворитом императрицы Иваном Ивановичем Шуваловым, чье влияние на внутреннюю политику в начале 1760-х годов достигло своего пика³⁰.

²⁵ В доносе на братьев Каржавиных упоминалось об их связях при дворе: «Да они же Василий и Ерофей похвалялись, что у них есть дружество с некоторыми и вельможными персонами, к которым они прислужились, а оные им помогают в их трудностях» (Архив князя Воронцова, с. 313). К тому времени Василий Никитич был освобожден из-под ареста, но дело еще не было окончательно закрыто.

²⁶ Жан Мишель (1721—1783), уроженец Петербурга, в 1750-е годы кредитовал М. И. Воронцова значительными суммами, выполнял различные его поручения в Париже, будучи французским дипломатическим агентом (с 1755 г.), подробнее о нем см.: *Les Français en Russie au siècle des Lumières. Dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones européens en Russie de Pierre le Grand à Paul Ier. Sous la dir. de A. Mézin, V Rjéoutski, vol. II. Ferney-Voltaire, 2011, p. 600—602.*

²⁷ АВПРИ. Парижская миссия. Оп. 94/1. 1760 г. № 7. Л. 2. Здесь и далее тексты воспроизводятся с сохранением орфографии документов, но без сохранения графических особенностей. Пунктуация по необходимости приближена к современной, как и использование заглавных букв.

²⁸ Там же. Л. 3 об.: «Я оставляю на волю вашего сиятельства дать господину Каржавину сие письмо для лучшего удостоверения прочитать».

²⁹ Там же. Л. 2—3.

³⁰ Подробнее об этом см.: *Киселев М., Лысцова А.* Проблема дворянского образования в публицистике и в правительственной политике Российской империи на рубеже 1750-х и 1760-х годов // *Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII—XIX века.* М., 2018, с. 152—180. Благодарю С. В. Польского за указание на данную и другие публикации по этой теме.

Для нас важно, что в письме Воронцова речь шла не только о Ерофее Никитиче, но и о судьбе его племянника: «А как еще и брат его здесь находящейся (Василий Никитич. — Г. К.) имеет в Париже для обучения пятнадцатилетнего сына, то я равномерно ваше сиятельство прошу и его к себе призвать и по усмотрению успехов его в учении, сюда представить, почему бы он в службу определен и жалованием снабден быть мог как для лучшего продолжения начатых наук, так и употребления в канцелярии вашей по делам, по колику сие последнее могло бы учиниться без остановки и препятствия первому. Отец сего молодого человека крайне о том просит, желая его видеть достойным к службе Ея Императорского Величества»³¹.

2 (13) июня 1760 г. из Парижа последовало доношение князя Голицына о том, что Ерофей Каржавин «уговорен возвратиться в свое отечество»³². В Петербурге это было воспринято «с особливым удовольствием»³³, и в ответном письме Голицыну от 7 июля канцлер заверял, что Ерофей Каржавин «по достоинству и усердию своему оставлен не будет и о чем я с моей стороны крайнее старание прилагать готов»³⁴.

Отметим несколько иную трактовку тех же событий в именном императорском указе о прощении беглецов Каржавиных, последовавшем 24 августа того же года. В нем говорилось, что Ерофей «сам просил пребывающего в Париже посланника князя Голицына о исходатайствовании ему в вине его отпущения и позволения выехать ему в Россию, дабы он приобретенною способностью и к службе усердием вину свою загладить мог»³⁵. Одновременно с указом о прощении в Коллегии иностранных дел было заведено дело — «Об отлучившихся самовольно из России в Париж московском жителе Ерофее Каржавине с племянником его, Федором, о пожаловании первого — архивариусом в Коллегию, а последнему остаться в Париже при министре до окончания наук, а потом о присылке его в Коллегию», — куда подшивались документы, начиная с копии «прощенного» указа от 24 августа 1760 г. вплоть до сентября 1765 г.³⁶

Примечательно, что решение Коллегии по поводу 15-летнего Федора, полностью соответствовало желанию его отца и дяди, поддержанному Воронцовым. «Желал бы я, — писал канцлер в Париж Д. М. Голицыну 7 июля 1760 г., — чтоб и племянник его сюда приехал, но не прежде, как окончив учения свои, которые он между тем продолжать может»³⁷.

Эриссан, будучи, очевидно, в курсе предстоящих изменений в судьбе Федора Каржавина³⁸, поспешил заявить о своей роли попечителя юного россиянина, которую *de facto* он исполнял с 1756 г. Его «Memoire concernant Theodore Karjavine de Saint Petersburg», поданный в июле 1760 г. на имя императрицы через Голицына, содержал подробнейший отчет об успехах Каржавина в «школах» и программе дальнейшего его обучения в университете. По подсчетам Эриссана, Федору для

³¹ АВПРИ. Парижская миссия. Оп. 94/1. 1760 г. № 7. Л. 3 об.—4.

³² Письмо в деле не сохранилось, упоминание о нем см. в ответном письме Воронцова от 7 июля 1760 г. // Там же. Л. 5.

³³ Отметим, что в апреле 1760 г. канцлер вовсе не был уверен в таком исходе дела, и вопрос, «примет ли он (Ерофей Каржавин. — Г. К.) действительно намерение возвратиться в Россию», его беспокоил // Там же. Л. 3 об.

³⁴ Там же. Л. 5.

³⁵ АВПРИ. Внутренние коллежские дела (ВКД). Оп. 2/1. № 2142. Л. 1 (копия указа). Здесь и далее курсив в цитатах наш.

³⁶ Там же. Л. 41.

³⁷ АВПРИ. Парижская миссия. Оп. 94/1. 1760 г. № 7. Л. 5.

³⁸ Почти за месяц до указа о прощении беглецов он каким-то образом знал, что «Ее Императорскому Величеству угодно востребовать своего подданного и удостоить его особенных милостей и щедрот» (см. «Mémoire»).

завершения образования понадобится еще пять лет: два года он должен провести в классе риторики, еще два — философии и год посвятить «основательному изучению математики»; знакомство с основами «рисования и с тем, как следует обмениваться приветствиями или рекомендовать себя»³⁹, придаст образованному молодому человеку необходимый лоск. Судя по всему, Эриссан отнюдь не спешил снимать с себя опекунские полномочия. Однако его образовательный план не был реализован в полной мере, поскольку в августе 1763 г. его опека над русским подданным закончилась.

Публикуемая ниже записка Эриссана проливает свет не только на необычную биографию «русского парижанина» Федора Каржавина, но шире — на особенности обучения в католической Сорбонне, куда в XVIII в. время от времени попадали россияне, хотя численность их и была ограничена конфессиональной спецификой гуманитарного образования⁴⁰.

Свидетельств университетской жизни русских студентов в Париже того времени крайне мало. Данный документ позволяет хотя бы отчасти восполнить этот пробел в изучении русско-французских образовательных контактов эпохи Просвещения.

Текст записки воспроизводится по французскому рукописному оригиналу, хранящемуся в фонде Парижской миссии АВПРИ; анонимный русский перевод (машинопись XX в.) из архива Б. И. Коплана сверен с текстом и отредактирован Н. Ю. Плавинской.

Memoire
concernant Theodore Karjavine de Saint Petersburg⁴¹

En 1756. Jean Thomas Hérissant libraire à Paris rue Saint Jacques, fit, par l'entremise d'un ami⁴², connoissance avec Mr Erofée Karjavine de Moscou. Vers ce même temps les fonds que ledit Karjavine recevoit de Russie lui manquerent tout à coup, et il apprit de plus la facheuse nouvelle du bouleversement total de la fortune de son frere. Réduit à la dernière extrémité et dans l'impossibilité de se procurer et à son cher neveu la subsistance nécessaire, il chercha les moyens d'éviter le peril qui les menaçoit l'un & l'autre: il travailla à obtenir dans les Etats de Sa Majesté, le Roy de France, quelque place relative à sa capacité. Le Ministre à qui il eut l'honneur d'être présenté, lui fit esperer de rétablir en sa faveur une place d'interprète en langue Russsienne, qui existoit autrefois à la Biblioteque du Roy: mais à cause de plusieurs circonstances de differente nature, cette place ne fût point rétablie.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Наиболее яркий пример — В. К. Тредиаковский, изучавший в 1727–1729 гг. в Париже философию, математику и богословие; немалую роль в его случае сыграли янсенисты Сорбонны, стремившиеся к диалогу о воссоединении церквей, начатому в 1717 г. Петром I при посещении Парижского университета. В царствование Анны и отчасти Елизаветы в Париж отправлялись в основном для завершения духовного образования после обучения в Московской и Киевской академиях (см. *Успенский Б. А., Шишкин А. Б. Тредиаковский и янсенисты // Успенский Б. А. Вокруг Тредиаковского. Труды по истории русского языка и русской культуры. М., 2008, с. 341–342, и др.*). К середине XVIII в. янсенисты утратили свои позиции в Сорбонне, а с ними и политические амбиции, но продолжали осуществлять педагогическую деятельность в частных коллежах и пансионах.

⁴¹ Текст воспроизводится с сохранением оригинальной орфографии, пунктуации и подчеркиваний, однако было модернизировано использование заглавных букв и слитное/раздельное написание слов.

⁴² Приписано на полях: «Mr Buache premier geographe du roy et de l'Academie des sciences».

Alors cet ami vint trouver le Sr Hérisant; et par tous les bons temoignages qu'il lui rendit, dudit Karjavine, par les eloges qu'il lui fit de son mérite, il l'engagea à s'interesser à la situation fâcheuse où il se trouvoit. Le Sr Hérisant ému de compassion sur le triste sort de cet etranger, touché aussi de celui de son neveu, se chargea pour soulager l'oncle du soin & des frais de l'éducation de cet enfant⁴³ qui donnoit alors et qui donne encore les plus belles esperances. En consequence il le plaça (comme il est dit ci-après) dans une pension, où il pût mettre à profit les talens qu'il avoit reçus de la Divine Providence.

Cet enfant dans un age si tendre avoit reçu des éloges et des attestations de M. l'abbé Nollet professeur royal de physique experimentale au collège de Navarre, aux leçons du quel il avoit assisté pendant son année de sixième au collège de Lizieux, où M. son oncle l'envoyoit. Le professeur de cette classe très satisfait de sa conduite, charmé de son gout pour la physique, et le voyant toujours dans les premieres places, lui avoit permis de prendre sur la classe une heure de temps, tous les jours que M. Nollet donneroit ses leçons publiques. Il les suivoit donc & avec succès lorsque le Sr Herissant s'en chargea.

Malgré les dispositions & le gout que cet enfant annonçoit pour cette science, le Sr Herissant prévoyant bien qu'il y marcheroit à grands pas, lorsqu'il auroit le temps et la liberté de s'y livrer, jugea à propos de lui faire suspendre ce genre d'étude pour l'occuper uniquement de celle des humanités, qu'il importoit plus qu'à tout autre d'apprendre parfaitement, & d'où l'auroient pu détourner les attraites et l'étendue infinie de la physique: ainsi le 18 decembre 1756. le Sr Herissant confia l'éducation de Theodore Karjavine de Saint Petersburg, à M. Savouré maître de pension à Paris rue Coupeau. Il s'obligea à luy payer la somme de 450^{liv}⁴⁴ pour la pension alimentaire; et à pourvoir outre cela à tous les autres besoins de cet enfant. Ces dépenses montent à 600^{liv} par année.

Depuis ce tems M. Savouré a envoyé Theodore Karjavine avec ses autres pensionnaires au collège de Beauvais, pour y continuer ses études. Le 19. decembre 1756. Karjavine entra dans la classe de cinquieme composée d'environ soixante et dix ecoliers. A chaque composition de l'année soit de thème, soit de version, il eut toujours la premiere place sur ses autres condisciples. A la fin de la cinquième, il remporta les premiers prix de thème, et de version, à la distribution solennelle qui se fait tous les ans dans une des salles du collège.

Le premier Octobre 1757. Karjavine monta dans la classe de quatrieme, composée de 92. ecoliers. Dans le cours de cette année il occupa les premieres places, et à la distribution des prix du collège, il eut trois accessit⁴⁵, un en thème, un en version latine, un en version grecque.

Le premier octobre 1758. Karjavine monta dans la classe de troisieme, composée d'environ 70 ecoliers. Pendant cette année, il occupa successivement les huit premieres places. Dans cette même année, il se fit dans la pension, où il demeure, deux distributions publiques de prix.

A la premiere du 16. decembre 1758. il remporta le premier prix de thème, et le premier de version latine.

A la seconde distribution du 3 may 1759. il remporta le premier prix de thème, le premier de version grecque, avec un accessit en version latine.

Outre cela, à la fin de cette même année, il fut nommé parmi les meilleurs ecoliers de sa classe pour aller composer dans une salle où l'université de Paris assemble l'élite des jeunes gens de tous les collèges, pour les faire concourir chacun selon sa classe aux

⁴³ Приписано на полях: «agé de 10 ans».

⁴⁴ Здесь и далее сокращение *liv* означает турецкий ливр (livre tournois).

⁴⁵ Здесь и далее это слово подчеркнуто автором.

prix qu'elle distribue tous les ans avec la plus grande solennité en presence de parlement. Il n'eut pas l'honneur d'être couronnée, mais il eut l'avantage d'avoir concouru.

Actuellement il acheve sa classe de seconde, où il a eu très souvent pendant l'année les premieres places. Il vient d'être choisi pour aller concourir aux prix de l'université. Sera t'il plus heureux que l'année derniere? Son application continuelle et ses succès ordinaires le font esperer.

Aux deux distributions publiques des prix, qui se sont faites dans sa pension, il a merité à la premiere du 12. decembre 1759. le second prix de vers latins, le premier de version latine, et un accessit en thème.

A la seconde distribution du 13 May 1760. il a eu le premier prix de thème, le second de vers latins, en version latine un accessit, en version grecque, un accessit, comme le prouvent les attestations ci-jointes.

Les vues du Sr Hérisant, en se chargeant de l'éducation de Theodore Karjavine, ont été de mettre ses moeurs à l'abri de tout danger, de cultiver les talents de l'esprit que Dieu lui a donnés, de lui ouvrir la carriere des sciences, et de suivre toujours les desseins que la Providence paroît avoir sur luy. Aujourd'hui que Sa Majesté Imperiale réclame son sujet, et veut bien répandre sur lui des graces et des faveurs particuliers, le Sr Hérisant le represente. Si l'Auguste Souveraine à qui appartient set enfant, juge à propos de faire continuer son éducation dans la pension où il est, le Sr Hérisant en aura les mêmes soins qu'il en a pris jusqu'à present. Dans ce cas, il auroit à demander d'abord,

Que cet enfant ignore, en tout ou en partie, les bontés de Sa Majesté Imperiale à son égard, par la raison que s'il les connoissoit dans toute leur étendue, il pourroit, à cause de la legereté de son age, en abuser, se relacher de son travail, moins écouter les avis, et rendre inutiles les soins que l'on prendroit de lui.

En second lieu, quelles seroient les intentions qu'on peut avoir pour son entretien qui jusqu'à present a été fort simple à cause de la situation où il étoit. Si l'on desiroit qu'il sortit un peu de cette simplicité, il auroit besoin au moins de sept cent livres de pension.

Quant à ses études, le premier octobre prochain il entrera en rhétorique. Comme ce qu'on apprend dans cette classe peut être d'un utilité infinie pour le reste de la vie, quelque état que l'on doive embrasser, les meilleurs Maîtres conseillent d'y appliquer la jeunesse pendant deux ans.

Après ces deux années Karjavine entrera en philosophie. Il seroit très à propos qu'il y soutînt des theses. La préparation à ces exercices oblige les jeunes gens de donner toute leur application à l'étude. Comme ils doivent paroître et parler en publique, ils font les plus grands efforts pour s'en acquitter avec honneur. Ainsi ces exercices, en leur inspirant une noble émulation, les rendent en même temps plus habiles. Il aura deux theses à soutenir par année, lesquelles vont à 300^{lt} de depense pour chaquene.

Après ces quatre années d'études, il seroit nécessaire d'en consacrer encore une pour lui faire apprendre plus particulièrement les mathématiques dont on ne peut donner que des notions superficielles en philosophie, vu l'abondance des matieres que l'on y traite dans le court espace de deux ans. A l'étude particuliere des mathematiques, on ajouteroit quelques principes sur le dessein, et sur la maniere de saluer et de se presenter. Il seroit encore fort utile qu'il apprît à parler diverses langues, et surtout à bien écrire.

Sur tous ces objets le Sr Hérisant désireroit connoître les intentions de Sa Majesté Imperiale.

A Paris ce cinq juillet mil sept cent soixante

J. Hérissant libraire rue St Jacques⁴⁶

Перевод

Записка о Федоре Каржавине из Санкт-Петербурга

В 1756 году Жан Тома Эриссан, парижский книготорговец с улицы Сен-Жак, через посредство одного приятеля — г-на Бюаша, первого географа при королевской Академии наук⁴⁷ — познакомился с г-ном Ерофеем Каржавиным, уроженцем Москвы. К этому времени Каржавин внезапно перестал получать денежные средства из России, и вдобавок до него дошло печальное известие о совершенном разорении его брата. Впав в крайнюю нужду и не будучи в состоянии добывать себе и любимому племяннику необходимое содержание, он стал изыскивать возможности отвратить грозившую им обоим беду: ходатайствовал о том, чтобы получить во владениях его величества короля Франции какую-либо должность, соответствующую его способностям⁴⁸. Министр⁴⁹, которому он имел честь быть представленным, обнадежил, что для него будет восстановлена должность переводчика с русского языка, существовавшая прежде при Королевской библиотеке; но вследствие различных обстоятельств должность эта восстановлена так и не была⁵⁰.

Тогда упомянутый приятель обратился к г-ну Эриссану и склонил его принять участие в судьбе находившегося в бедственном положении Каржавина своими добрыми отзывами о нем и похвалами его заслугам. Г-н Эриссан, приняв близко к сердцу горькую судьбу этого иностранца и тронутый участием его племянника, решил помочь дяде в заботах и расходах по воспитанию ребенка десяти лет, который подавал и поныне подает блестящие надежды. Вследствие того он отдал его (как пояснено ниже) в учебное заведение, в котором мальчик смог развивать способности, дарованные ему Божиим Промыслом.

Уже в нежном возрасте этот ребенок удостоился похвальных аттестаций г-на аббата Нолле, профессора экспериментальной физики королевского Наваррского коллежа⁵¹, лекции которого он посещал, обучаясь в шестом классе коллежа Лизье⁵², куда определил его дядя. Классный наставник, вполне удовлетворенный

⁴⁶ АВПРИ. Парижская миссия. Оп. 94/1. № 7. 1760 г. Л. 14–16 об.

⁴⁷ См. о нем прим. 21.

⁴⁸ Известно о двух записках, поданных по этому поводу министру д'Аржансону, первая — в 1755 г. Ф. Бюашем, который среди прочего сообщал о переходе Е. Н. Каржавина в католичество (опубликовано: *Космолинская Г. А. Парижская библиотека Ф. В. Каржавина: новые находки* // Книга: исследования и материалы, сб. 99 (3/4). М., 2013, Приложение II, с. 190–191); вторая — в 1756 г. Барбо де ла Брюйером, который ходатайствовал о принятии дяди и племянника Каржавиных в подданство французского короля («Memoire pour le Sieur Karjavine, natif de Moscou», черновой вариант — ИРЛИ ОР. Ф. 93. Оп. 2. № 100. Л. 251–251 об., 253–253 об., 255, на л. 255 об. копии двух удостоверений об успехах Федора в коллеже); русский перевод записки Барбо опубликован Н. П. Дуровым: *Русская старина*, т. 12, кн. 2, 1875, с. 294–297.

⁴⁹ Марк Пьер де Вуайе де Польми, граф д'Аржансон (1696–1764) — военный министр и член Королевского совета (1742–1757 гг.); почетный член Академии наук и Академии надписей. Будучи директором королевской Палаты книгопечатания и книготорговли (1738–1740 гг.), покровительствовал энциклопедистам, см. о нем: *Combeau Y. Le comte d'Argenson, Ministre de Louis XV (1696–1764)*. Paris, 1999.

⁵⁰ В начале 1757 г. министр д'Аржансон, на помощь которого уповал Е. Н. Каржавин, был отправлен в отставку, как считается, в результате интриг маркизы де Помпадур.

⁵¹ Жан Антуан Нолле (1700–1770) — французский естествоиспытатель, физик-экспериментатор, изобретатель электроскопа (1747), член Парижской Академии наук (1739), автор многих трудов в области электричества, молекулярной физики, оптики. О Наваррском коллеже см. *Compère M.-M. Les collèges français, 16e–18e siècles. Répertoire 3* — Paris. Paris, 2002, p. 279–301.

⁵² Университетский коллеж Лизье, или Торси, основанный Ги д'Аркурром, епископом Лизье в 1336 г., с XV в. размещался в здании коллежа Торси в квартале Сен-Жак на улице Сент-Этьенн-де-Гре (ныне улица Кюжа) // *Ibid.*, p. 210–218.

его поведением, восхищенный его интересом к физике и видевший его неизменно в числе первых учеников, позволяя ему на час отлучаться из учебных классов в те дни, когда г-н Нолле читал свои публичные лекции. Так что он слушал этот курс, и притом с успехом, когда г-н Эриссан принял его на свое попечение.

Г-н Эриссан рассудил, что, несмотря на способности мальчика и на его склонность к упомянутой науке, он будет совершенствоваться в ней быстрее тогда, когда сможет отдаться ей целиком и полностью; пока же г-н Эриссан решил приостановить эти его занятия и посвятить все его время исключительно словесным наукам⁵³, которыми ему более чем кому-либо необходимо было овладеть в совершенстве и от которых его могла отвлечь заманчивость и беспредельная обширность физики. Итак, 18 декабря 1756 года г-н Эриссан доверил воспитание Федора Каржавина из Санкт-Петербурга г-ну Савуре, хозяину пансиона на улице Копо в Париже⁵⁴. Он обязался платить ему 450 ливров столовых денег и, кроме того, снабжать воспитанника всем необходимым. В год эти расходы достигали 600 ливров.

С того времени г. Савуре определил Федора Каржавина, вместе с другими своими пансионерами, в коллеж Бове⁵⁵ для продолжения учебы. 19 декабря 1756 года Каржавин поступил в пятый класс, состоявший, примерно из 70 учеников. В течении года он неизменно занимал первое место среди своих соучеников, как за свои сочинения, так и за переводы. В конце пятого класса на торжественном награждении, ежегодно проходящем в одном из залов коллежа, за свои сочинения и переводы он получил первые награды.

1 октября 1757 года Каржавин перешел в четвертый класс, состоявший из 92 учеников. Он опять весь год был среди первых, — и при награждении в коллеже

⁵³ «Словесные», или гуманитарные науки занимали основное место в образовательной концепции янсенистов Пор-Руаяля, а их «Грамматика» (1660 г.), в которой она излагалась, оставалась актуальной вплоть до середины XVIII в.

⁵⁴ Жан Луи Савуре (1705–1770), профессор университетского коллежа Св. Варвары, будучи приверженцем янсенизма, покинул его вместе с аббатом Давидом из-за несогласия с методами преподавания иезуитов; они основали частное учебное заведение и пансион (Institution Savouré) под идейным патронажем бывшего ректора Сорбонны Шарля Роллена, возглавлявшего также коллеж Бове. Педагогическая концепция Роллена нашла свое воплощение в регламенте нового заведения: «L'esprit de la maison est la religion et la piété, sans négliger le progrès dans les études (дух сего заведения — религия и благочестие, но также и усердие в учении)». Пансион Савуре до 1770-х годов размещался на улице Копо (ныне улица Ласепед) в здании, принадлежавшем монастырю кармелитов с площади Мобер; оно имело выход через сад прямо к дому Роллена (улица Нёв-Сент-Этьен дю Мон, ныне улица Роллена). См. *Lacroix L. Notice historique sur l'Institution Savouré. Paris, 1853, p. 7–10; см. также: Compère M.-M. Les pensions à Paris (1789–1820) // Revue du Nord. Année. 1996, p. 823–835.*

⁵⁵ Коллеж Бове, или Дорман-Бове, основанный в 1370 г. Жаном де Дорманом, епископом Бове, канцлером Франции, в XVIII в., — один из 10 университетских *grands collèges*, т.е. учебных заведений с преподаванием полного цикла «словесных» наук (от шестого класса до риторики) и философии (два года до получения в конце курса звания магистра искусств). До середины столетия коллеж оставался последним оплотом янсенизма, продолжая следовать установлениям, принятым в 1628 г. его знаменитым директором Жаном Гранжье (1576?–1644). Бове располагался на улице Сен-Жан-де-Бове (ныне Жан-де-Бове) в квартале Сорбонны; просуществовал до 1764 г., когда в числе других университетских коллежей был поглощен новообразованным иезуитским коллежем Людовика Великого. В свое время здесь обучались Сирано де Бержерак, Расин, Буало, Шарль Перро и др. См.: *Chapotin M. D. Une page de l'histoire du vieux Paris. Le Collège de Dormans-Beauvais et la Chapelle Saint-Jean-l'Évangéliste. Paris, 1870; Launay A. L'ancien collège de Beauvais (1545–1791) // Bulletin de la Société d'études historiques, géographiques et scientifiques de la région parisienne, 1954, n°82–83, p. 1–20; n°84, p. 11–27; Compère M.-M. Les collèges français, 16e–18e siècles, p. 94–105.*

получил три поощрительные премии: одну за сочинение, одну за латинский перевод и одну за греческий перевод.

1 октября 1758 года Каржавин перешел в третий класс, где было примерно 70 учеников. В течение этого года он постоянно входил в число 8 первых учеников. В том [учебном] году в пансионе, где он проживает, состоялись два публичных награждения.

На первом, 16 декабря 1758 года, он получил первую премию за сочинение и первую же — за латинский перевод.

На втором награждении, 3 мая 1759 года, он удостоился первой премии за сочинение, первой же за греческий перевод и поощрительной — за латинский перевод.

Наконец, по окончании того же года в числе лучших учеников своего класса он был выбран писать сочинение в зале, где Парижский университет собирает способнейших молодых людей из всех коллежей, и они по классам состязаются за премию, которую университет с большою торжественностью ежегодно вручает в присутствии парламента. Он не имел счастья получить награду, но участие в состязании уже было для него отличием.

В настоящее время он оканчивает занятия по второму классу, где в течение года очень часто занимал первые места. Недавно он вновь избран для соискания университетских премий. Добьется ли он большего успеха, чем в прошлом году? Его упорное прилежание и неизменные успехи подают на то надежду.

При двух публичных награждениях, которые состоялись в его пансионе, он удостоился на первом награждении, 12 декабря 1759 года — второй премии за латинское стихосложение, первой — за латинский перевод и поощрительной — за сочинение.

При втором награждении, 13 мая 1760 года, он получил первую премию за сочинение, вторую — за латинское стихосложение и поощрительные — за латинской и греческий переводы, что явствует из прилагаемых аттестатов⁵⁶.

Приняв на себя воспитание Федора Каржавина, г-н Эриссан поставил себе целью охранять его нравственность, развивать дарованные ему Богом умственные способности, открыть ему поприще наук и следовать предначертаниям Провидения относительно его судьбы. Ныне, когда Ее Императорскому Величеству угодно востребовать своего подданного и удостоить его особенных милостей и щедрот, г-н Эриссан представляет его. Если Августейшая Государыня, которой принадлежит этот мальчик, пожелает, чтобы он продолжал воспитываться в пансионе, в котором находится теперь, то г-н Эриссан будет иметь о нем то же самое попечение, как и прежде. В таком случае он просил бы, во-первых, чтобы ребенок пребывал в полном или частичном неведении о благоволении к нему Ее Императорского Величества, по той причине, что, узнав, как далеко простираются ее милости, он может, по легкомыслию своего возраста, начать злоупотреблять ими, оставить усердие в учебе, меньше прислушиваться к советам, так что все попечение о нем станет тщетным.

Во-вторых, г-н Эриссан просил бы сообщить, какие будут распоряжения относительно содержания мальчика, которое в соответствии с его положением до сих пор было весьма скромным. Если будет желательно, чтоб оно хоть немного улучшилось, то ему понадобится по крайней мере 700 ливров годового содержания.

Что касается его учебных занятий, то 1 октября он поступит в класс риторики⁵⁷. В этом классе проходят предметы, которые могут принести величайшую

⁵⁶ Аттестаты Ф. В. Каржавина за 1760 г. приложены к «Mémoire» Эриссана — АВПРИ. Парижская миссия. Оп. 94/1. 1760 г. № 7. Л. 10—13.

⁵⁷ Риторикой завершалось среднее образование, после чего следовали философия, математика и богословие, которые обозначали высшую ступень обучения в университете; о богословии ни Эриссан, ни Каржавин нигде не упоминают.

пользу на всю оставшуюся жизнь и во всяком состоянии. Лучшие преподаватели советуют занимать юношество означенными предметами в продолжении двух лет.

По прошествии этих двух лет Каржавин поступит в класс философии. Было бы весьма полезно, чтоб он там защищал диссертации. Приготовления к подобным умственным упражнениям побуждают молодых людей предаваться учебе со всем прилежанием. Поскольку им приходится выступать и держать речь перед публикой, они прилагают чрезвычайные усилия, чтобы с честью выйти из этого испытания. Таким образом, упомянутые упражнения, приучая их к благородному соперничеству, вместе с тем развивают их способности. Ему придется защищать по две диссертации в год, и на каждую придется потратить до 300 ливров⁵⁸.

После этих четырех лет занятий хорошо бы посвятить еще один год основательному изучению математики, о которой в классе философии дается лишь поверхностное понятие ввиду множества предметов, которые проходят в течение короткого двухлетнего курса. Кроме специального изучения математики, нелишним будет ознакомить его с началами рисования и с тем, как следует обмениваться приветствиями или рекомендовать себя. Также было бы для него весьма полезным выучиться говорить на разных языках⁵⁹ и особенно хорошо писать.

По всем этим предметам г-н Эриссан желал бы узнать намерения Ее Императорского Величества.

Париж, 5 июля 1760,

Ж. Эриссан, книгопродавец с улицы Сен-Жак

10 (21) августа 1760 г. Голицын, пересылая данный «*Mémoire*» канцлеру Воронцову, писал: «Что же надлежит до [...] Федора Каржавина, чему он учился и каким средством по одному человеколюбию некоторого здешнего книгопродавца, называемаго Гериссан, имеет содержание свое, оное изволите пространно усмотреть из приложенной при сем копии с промемории и разным о успехах его в науках свидетелств»⁶⁰. В том же письме Голицын, признавая способности Каржавина («оной молодой человек великую охоту к продолжению всяких знаний показывает, а притом и от природы весьма остр»), предлагал и в дальнейшем оставить его «под смотрением того ж честного человека (Эриссана. — Г. К.) до совершенства [...] ибо надежда есть, что из сего молодого человека может быть со временем искусной профессор». Именно Голицын настоятельно рекомендовал Коллегии иностранных дел: «Кажется, требует самая справедливость и честь нашей нации заплатить ему, Гериссану, все учиненные за него, Каржавина, по сие время издержки, а впредь определить на него, что известное пов-

⁵⁸ Защита диссертации в Сорбонне была связана с расходами на печатание тезисов, на оплату пяти членов жюри, назначавшихся ректором университета из числа профессоров сторонних коллегий (например, в 1773 г. каждый экзаменатор получил по 114 ливров), а также лицензии по итогам экзамена, и т.д. (см. *Noguès B. La maîtrise ès arts en France aux XVIIe et XVIIIe siècles. Rites universitaires, épreuves scolaires et usages sociaux d'un grade // Histoire de l'éducation: Institutions et pratiques scolaires dans la longue durée (XVIe–XIXe siècles). Sous la dir. de Ph. Savoie et B. Noguès, 2009, n° 124, p. 95–134. Каржавин, не имея денег, диссертацию, видимо, не защищал — во всяком случае, в дальнейшем он нигде об этом не упоминал.*

⁵⁹ Имеются в виду европейские языки, помимо французского, которым Каржавин владел в достаточной мере; известно, например, что он изучал итальянский, см. «Объявление, учиненное Государственной Коллегии иностранных дел нижайшим ее студентом Федором Каржавиным» (27 июля 1765) // АВПРИ. ВКД. Оп. 2/1. № 2142. 1760–1763 г. Л. 26 об.

⁶⁰ Там же. Л. 3–4 (копия).

сягодно⁶¹ с некоторою болшею прибавкою, противу нынешних самых малых расходов». (По подсчетам самого Эриссана, «понадобится по крайней мере 700 ливров годового содержания».) Впрочем, заключал Голицын, «я все сие отдаю на собственное рассмотрение вашего сиятельства и ожидая на то снисходительного ответа»⁶².

Через три дня был подписан всемилостивейший указ о прощении беглецов Каржавиных, о чем 2 сентября из Коллегии в Париж был послан князю Голицыну рескрипт⁶³. После этого стороны приступили к обсуждению новых условий, на которых продлевались полномочия опекуна русского подданного.

Казалось, Эриссану удалось заручиться поддержкой всех заинтересованных сторон. Канцлер выражал полное единодушие с мнением Голицына и не уступал ему в похвалах автору «Mémoire»: «Довольно усмотрел я, какое старание оной Гериссан из единого человеколюбия и добротства своего прилагает к обучению разным наукам и добропорядочному воспитанию помянутого Каржавина, дабы его чрез то впредь полезным сделать для отечества. Сие оказуемое им добровольное усердие к российскому подданному достойно по справедливости всякой похвалы, и в разсуждении сего можете, ваше сиятельство, ему знать дать, что рачительное его попечение об оном Каржавине и изрядное разпоряжение к далнему его учению приемлется здесь весьма благоприятно и с удовольствием. А что он в помянутой поданной записке своей особливо того желает, чтоб Каржавин и далее остался под его присмотром для толь лутчаго совершения начатых им наук, то сие, в разсуждении предъявленных им основательных резонов, позволяет, в той надежде, что он и не оставит об нем, Каржавине, пещись, дабы он науки свои совершенно окончил»⁶⁴. Предложения Голицына по поводу расчетов с Эриссаном, изложенные в письме от 10 (21) августа 1760 г., в целом были одобрены Воронцовым. Обсуждались лишь детали.

Распоряжением Воронцова Федор Каржавин полностью отдавался «в диспозицию» Эриссана. На деле это означало финансовую зависимость юноши от своего опекуна, в чьи руки теперь должно было поступать его жалование «студента миссии». «Признается за нужно, — предписывал Воронцов, — чтоб он (Эриссан. — Г. К.) в руках своих [...] определенное помянутым рескриптом жалование его (Каржавина. — Г. К.) триста рублей в год имел»⁶⁵. Голицыну поручалось «оное жалование так разпорядить», чтобы Эриссан ежегодно получал по 140 руб. «на платеж в пензию за обучение и за пищу его, Каржавина», 60 руб. — «на платье ему ж», а оставшиеся 100 руб. «надлежит повсягодно отдавать ему, книгопродавцу в уплату той суммы, которую он с 1756-го года на означенного Каржавина употребил, платя за него ежегодно в гимназии по чetyреста по пятидесяти ливров»⁶⁶. Выплата Эриссану по 100 руб. (500 ливров) в год в счет «долга» была особым поощрением от Воронцова «честному человеку», который «отнюдь сего не требует, однако ж оная дача служить ему будет некоторым

⁶¹ Т.е. прежнюю сумму затрат на содержание подопечного.

⁶² АВПРИ. ВКД. Оп. 2/1. № 2142. 1760–1763 г. Л. 4–4 об.

⁶³ Там же. Л. 2–2 об. (копия).

⁶⁴ Письмо М. И. Воронцова в Париж Д. М. Голицыну, 22 сентября 1760 г. // АВПРИ. Парижская миссия. Оп. 94/1. 1760 г. № 7. Л. 6–6 об.

⁶⁵ Там же. Обычное жалование «студента миссии», 300 руб. в год, равнялось в то время 1500 ливров. Такая же сумма была назначена, например, «студенту Якову Козловскому», отправленному в 1760 г. из Коллегии в Париж под начало посла графа П. Г. Чернышева (АВПРИ. Сношения России с Францией. Оп. 93/1. № 4. Л. 229); Козловский упоминается в письмах Каржавина к отцу.

⁶⁶ АВПРИ. Парижская миссия. Оп. 94/1. 1760 г. № 7. Л. 7 об.

награждением за его усердие и труд, отчего он, чаятельно, уклонится не похочет»⁶⁷. Между тем по сведениям первого биографа Каржавина Н. П. Дурова, с 1756 г. Эриссан получал от отца своего подопечного по «1000 франков ежемесячно»⁶⁸, но в документах Коллегии об этом не упоминается.

Установленный порядок выплаты каржавинского жалования через опекуна начал действовать незамедлительно. Уже в сентябре 1760 г. Эриссан составлял первые отчеты о расходах на своего подопечного — «*Mémoire de Dépenses faites pour Monsieur Karjavine [...]*», — которые он предоставлял в Коллегию вплоть до 1763 г.⁶⁹ Единственной выгодой от такой «диспозиции» для самого Каржавина стало распоряжение Воронцова не употреблять «его при посольстве ни в какие канцелярские дела, чтоб он тем воспрепятствован не был продолжать и совершать его науки»⁷⁰.

Вскоре, однако, принятый порядок выплат, когда из 300 руб. Эриссан «получал повсегодно по сто рублей» в счет истраченного им ранее на своего подопечного, перестал его удовлетворять. Голицын доносил Воронцову, что прежним «разпоряжением он, по видимому, гораздо недоволен был» и выдвинул новые требования, «чтоб ему задержанные на того Коржавина деньги при первом удобном случае вдруг заплачены были; ибо сие не награждение какое для него было бы, но токмо по справедливости возвратились б его точные на то издержки»⁷¹.

Голицын не сомневался, что Коллегия должна Эриссана «в том удовлетворять», так как это поощрило бы последнего «иметь бесперывное о том Коржавине радетелное попечение, а помянутая Коллегия сама уже у того Коржавина по пропорции его оклада нечто повсегодно вычитать может, даже та сумма вся начертается» — убеждал он Воронцова⁷².

Видимо, опекун русского юноши имел все основания почувствовать прочность своего положения. Поместив в сентябре 1761 г. Федора у профессора греческого языка Жана Вовилье⁷³, он попытался убедить отца юноши, что и для держателя пансиона «следовало бы просить великого канцлера испросить у е.и.в.» помимо денег на содержание «нечто вроде небольшого вознаграждения»⁷⁴.

На требование Эриссана выплатить ему полностью деньги за прежние годы опекунства Коллегия, как и раньше, дала положительный ответ. Было решено, чтобы Голицын, «те задержанные денги изчисля, сколко им за те годы учинил», Эриссану их «сполна выдал». Чтобы компенсировать единовременную выплату потраченных с 1756 по 1761 г. Эриссаном денег Коллегия предполагала «сии денги вычитать у него Каржавина из жалованья в каждой год по сту рублей»⁷⁵. Канцелярская цедула с таким решением была послана Голицыну 20 февраля 1761 г.;

⁶⁷ Там же. Л. 4–4 об.

⁶⁸ Русская старина, т. 12, № 2, 1875, с. 286. В указанное время 1000 франков (1000 ливров) равнялись примерно 200 руб., сумма немалая; вероятно, Дуров ошибся, написав «ежемесячно» — скорее ежегодно.

⁶⁹ АВПРИ. Парижская миссия. Оп. 94/1. 1760 г. № 7. Л. 17–21.

⁷⁰ Письмо М. И. Воронцова в Париж Д. М. Голицыну, 22 сентября 1760 г. // Там же. Л. 6 об.

⁷¹ Доношение Д. М. Голицына из Парижа М. И. Воронцову, 28 декабря 1760 г. (8 января) 1761 г. // АВПРИ. ВКД. Оп. 2/1. № 2142. 1760–1763 г. Л. 8 об.

⁷² Там же. Л. 8 об.—9.

⁷³ Жан Вовилье (1698–1766) с 1746 г. преподавал риторику в университетском коллеже Бове, покинув его в 1756 г., занял место профессора греческого языка и литературы в Королевском коллеже (ныне Коллеж де Франс), см. *Chapotin M. D.* Op. cit., p. 445.

⁷⁴ См. письмо Каржавина из Парижа к отцу, 15 (26) июля 1762 г. (цит. по: Письма русских писателей XVIII века, № 4).

⁷⁵ «Записка в публичную экспедицию в апробации от его сиятельства канцлера», 2 февраля 1761 г. // АВПРИ. ВКД. Оп. 2/1. № 2142. 1760–1763 г. Л. 10.

в ней также подтверждалось, что теперь Каржавину вместо 300 руб. жалования «по двести рублей на год переводимы быть имеют»⁷⁶.

Хотя распоряжением Коллегии от 20 февраля и позволялось выдать деньги Эриссану, по каким-то причинам выдача затянулась до лета, когда найден был новый вариант расчета, предложенный графом П. Г. Чернышевым, назначенным 4 июля 1760 г. послом в Париж. Опытный дипломат нашел выход, который должен был устроить всех (мнения самого Каржавина никто не спрашивал). Чернышев рассуждал следующим образом: «Как ныне он, Гериссан, тех денег более не требует и изыясняется, что он сам не знает о числе оных, то в разсуждении, что он столько уже о воспитании и обучении его старался, да и ныне тоже усердно продолжает, думаю я, что он лучше тем удовольствуется, когда выдавано ему будет определенное тому Каржавину [...] жалованье, из которого он, обучая его, содержать, также и вычитать может сам издержанные на него денги»⁷⁷.

Таким образом, Эриссан получал право распоряжаться всем жалованием своего подопечного по собственному усмотрению. Реакцию Каржавина на решение Коллегии угадать нетрудно — его письма к отцу полны возмущения. Свое положение в доме Вовилье он называл не иначе как «жалким», умоляя родителя найти способ, «как отстранить гг. Гериссана и Вовилье от моего воспитания, или как вывести меня в люди иначе, или как сделать мою жизнь чуть менее тяжкой и более терпимой, чтобы, обрета хоть немного радости и покоя, мог бы я отдаться учению с большим усердием»⁷⁸.

Пытаясь изменить ситуацию, Каржавин с цифрами в руках объяснял отцу: «Я здесь живу, пользуюсь столом и стиркой, и это стоит 1000 ливров. Между тем в пансионе или у какого-нибудь горожанина имел бы я маленькую спальную комнату и маленький кабинет. Это стоило бы 150 или 120 ливров в год. Я делал бы там все свои дела, кабинет служил бы мне лабораторией, на 200 ливров я столовался бы в трактире. Что касается одежды, то ее покупают не каждый год. Таким образом, у меня оставалось бы еще для оплаты потребных мне учителей и для того, чтобы увидеть Версальский двор и другие прекрасные окрестности Парижа»⁷⁹.

Отметим упомянутую здесь вскользь «лабораторию» (очевидно, для физических опытов) как свидетельство рано сформировавшегося характера Каржавина. Своего детского увлечения экспериментальной физикой он, несмотря на запрет Эриссана, не оставил и к концу обучения в университете с гордостью писал отцу: «Опытную физику, [...] могу похвалить, знаю лучше, чем французский язык»⁸⁰.

⁷⁶ Там же. Л. 16–16 об.

⁷⁷ Экстракт из реляций П. Г. Чернышева, Париж, 12 (23) июля — 1 (12) августа 1761 г. // Там же. Л. 18–18 об.

⁷⁸ Письмо Каржавина к отцу, Париж, 15(26) июля 1762 г. (цит. по: Письма русских писателей XVIII века, № 4).

⁷⁹ Там же. Расчеты Каржавина (примерно 500 ливров или 100 руб. в год) кажутся несколько заниженными. Так, в 1743 г. студенту Петру Витынскому, учившемуся в коллеже Бове, его покровители выплачивали примерно 140 руб. (700 франков) в год: «200 франков за одежду, белье и другие вещи» и 500 франков за пансион у аббата Расина (*Успенский Б. А., Шишкин А. Б.* Указ. соч., с. 437–438, прим. 186). Сумму в 300 руб. в год отец Каржавина считал непомерно большой даже для двоих: «Когда ж требовать будет у меня Париж по 300 р. в год, то, друг мой, — писал он в 1753 г. брату, на попечение которому отдал сына, — я не князь Куракин, который кормил в Париже Тредиаковского!» (цит. по: Сб. ОРЯС, т. 9, с. 412–413).

⁸⁰ 28 января (8 февраля) 1764 г. (цит. по монографии Б. И. Коплана: РНБ ОР. Ф. 370. № 6. Л. 47).

Лишь закончив обучение в университете⁸¹, Каржавин смог покинуть пансион Вовилье, чтобы оказаться теперь уже под надзором чиновников Парижской миссии. Его поселили в доме посланника графа Сергея Васильевича Салтыкова на Вандомской площади⁸². Как и следовало ожидать, жизнь его легче не стала, зато неожиданно изменилось его отношение к бывшему опекуну. В одном из писем передавая отцу поклон от Эриссана, юноша писал о нем: «Это честный и любезный человек, очень добрый, немножко слишком богомолен и усердный без всякой осторожности»⁸³. Мнение же о другом наставнике оставалось крайне негативным: «Вовилье утонченный ханжа и вор, — уверял Федор отца, — потому что я вышел от него только с половиной всего, что мне принадлежало, вплоть до белья»⁸⁴.

Сопоставление «Mémoire» Эриссана с дипломатической перепиской и другими источниками многое проясняет в необычной биографии Федора Каржавина. Заботы и тяготы, которые приходилось претерпевать новоявленному «студенту миссии» с жалованием 300 руб. в год (без права им распоряжаться), были знакомы и его собратям по Коллегии, которых присылали в Париж для «употребления в делах» миссии и «совершенного обучения во французском языке». Так, в ноябре 1763 г. Федор писал отцу: «Ни один из нас, живущих у посланника, исключая 2-х — 3-х, не получал денег с декабря 1762 года»⁸⁵. Благодаря публикуемому документу мы узнаем о материальных сторонах жизни большинства русских студентов в Париже второй половины XVIII в. — их расходах на обучение в университетских коллежах и проживание в пансионах, питании, внешнем виде, увлечениях и других потребностях, о которых нам пока недостаточно известно.

Вряд ли записка опекуна русского юноши имела помимо финансовой какую-либо иную подоплеку. По понятным причинам в ней не поднимались вопросы, связанные с религиозным просвещением, хотя Эриссан, поместив Федора сначала в пансион Савуре, затем к Вовилье, т.е. окружив его наставниками-янсенистами, явно стремился направить воспитание юноши в янсенистско-католическое русло; также не случайно для этого из всех университетских коллежей был выбран Бове. Вполне вероятно, Эриссан пытался таким образом склонить своего подопечного к переходу в католичество, что, пусть отчасти, подтверждает и сам Федор: «Г-н Эриссан определил меня к г-ну Вовилье не для того, чтобы я сделался ученым, а для того, чтобы сделался я добрым католиком»⁸⁶. Жалуясь отцу на строгий надзор в пансионе, для большей убедительности он ссылаясь на принадлежность Вовилье «к одной из самых суровых сект во Франции, а именно к секте последова-

⁸¹ «Мое ученье кончилось совсем в августе прошлого 1763 г.», — писал Федор отцу из Парижа 25 февраля (7 марта) 1764 г. // Там же.

⁸² РНБ ОР. Ф. 370 Б. И. Коплан — С.А. Коплан-Шахматова. № 6. Л. 46–47; см. также: Космолинская Г. А. Неизвестный альбом Ф. В. Каржавина «Виды старого Парижа» // Панорама искусств. М., 1989, № 12, с. 350.

⁸³ Париж, 28 января (7 февраля) 1764 г. (цит. по монографии Коплана: РНБ ОР. Ф. 370. № 6. Л. 47).

⁸⁴ Там же. По подсчетам Каржавина, «400 или 500 франков» Вовилье «отлично выигрывает на той тысяче, которую ему дает г-н Герисан за мой пансион» (там же л. 46). Справедливости ради нужно сказать, что неприязнь к содержанию пансиона, где он вынужден был находиться, основывалась не только на подозрениях в его денежных махинациях. У юноши в это время завязывался роман (как утверждает Коплан, с его, т.е. Каржавина, будущей женой Шарлоттой-Маргаритой Рамбур), из-за чего Вовилье «поднял дьявольский шум» и даже «грозились прогнать» его // Там же. Л. 66.

⁸⁵ Париж, 15 (26) ноября 1763 г. (цит. по: Письма русских писателей XVIII века, № 5).

⁸⁶ Письмо Каржавина к отцу, Париж, 15 (26) июля 1762 г. // Там же, № 4.

телей Янсениуса»; по словам Каржавина, вместо посещения богослужений в доме русского посла его «заставляли» ходить во «французскую церковь»⁸⁷. Посещениями католических богослужений дело не ограничивалось: «Каждое воскресенье и каждый праздник», — продолжал он, согласно заведенному порядку Вовилье «наставляет нас и обучает своей религии»⁸⁸. Трудно поверить, учитывая источник финансирования каржавинских опекунов, что они могли помешать обязательным для российского подданного визитам в миссию⁸⁹.

Как бы то ни было, 17-летнего юношу порядки в пансионе, стеснявшие его личную свободу, явно не устраивали. При этом очевидно, что в 1760-е годы, когда прежние надежды докторов Сорбонны на возрождение диалога об объединении церквей почти угасли, делать из русского подданного агента янсенистского влияния никто не планировал. Впрочем, окончательно эти надежды никогда не умирали, и через сорок лет «Проект объединения русской православной и католической Церквей, представленный Петру I в 1717 г. докторами Сорбонны» оказался вновь в поле зрения. Никто иной как Барбо де ла Брюйер поместил его текст в приложении ко второму тому переведенных им записок о России Страленберга⁹⁰. Примечательно, что к работе над переводом записок были привлечены находившиеся под его опекой «двое молодых русских» — Ерофей Никитич и его юный племянник⁹¹, который потом не раз будет упоминать об этом издании. Приобретя его в Париже через пять лет после выхода в свет, Федор спешил сообщить об этом отцу: «Я уже купил на 20 ливров французских книг по философии, физике, ботанике, хирургии, химии и труд барона Страленберга о Российской империи, переведенный на французский язык с немецкого г-ном Барбо, близким другом дядюшки и моим также»⁹².

Нужно признать, что в этой цепи обстоятельств все еще не хватает многих звеньев. «Mémoire» Эррисана, отвечая на одни вопросы, порождает другие. Почему российские власти готовы были сквозь пальцы смотреть на незаконное пребывание за границей Федора Каржавина и даже нести расходы по его проживанию и обучению в Париже? Почему, получив в 1760 г. статус «студента миссии», он был оставлен под надзором опекуна-католика, а Коллегия иностранных дел неизменно удовлетворяла всё возраставшие финансовые требования Эррисана? Наконец, почему в 1763 г. опека над Каржавиным неожиданно прервалась, а вместе с ней и его учеба в университете? Надеемся, что со временем ответы на эти и другие вопросы будут найдены.

Библиография

- Березин-Ширяев Я. Ф. Николай Павлович Дуров: из воспоминаний библиофила. СПб., 1887.
Болховитинов Н. Н. Был ли Ф. В. Каржавин американским «корреспондентом» Н. И. Новикова? // Вопросы истории, 1986, № 4, с. 170–172.
Долгова С. Р. Судьба библиотеки Федора Каржавина // Альманах библиофила, вып. 2. М., 1975, с. 166–168.

⁸⁷ Там же: «Я не могу пойти на богослужение, совершаемое у его сиятельства графа Чернышева, а заставляют меня ходить во французскую церковь».

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ «Г-н посол передал мне через г-на Шарапова — писал Каржавин, — что он очень рассержен на меня за то, что я не являюсь к нему каждые две недели: а не был я у него около 6 месяцев» // Там же.

⁹⁰ Description historique de l'empire russe, traduite de l'ouvrage allemand de M. le baron de Strahlenberg..., vol. 1–2. Amsterdam — Paris: Desaint et Saillant, 1757.

⁹¹ Notice historique..., p. 152.

⁹² Письмо от 15 (26) июля 1762 г. (цит. по: Письма русских писателей XVIII века, № 4).

Долгова С.Р. Творческий путь Ф. В. Каржавина. Л., 1984.

[Дуров Н.П.] Федор Васильевич Каржавин: его жизнь и похождения в Старом и Новом свете, 1745–1812 гг. Биографический очерк по неизданным материалам // Русская старина, т. 12, кн. 2, 1875, с. 272–295.

Киселев М., Лысцова А. Проблема дворянского образования в публицистике и в политике Российской империи на рубеже 1750-х и 1760-х годов // Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII–XIX века. М., 2018.

Коган Ю. Я. Очерки по истории русской атеистической мысли XVIII в. М., 1962, с. 101–120.

Космолинская Г. А. Неизвестный альбом Ф. В. Каржавина «Виды старого Парижа» // Панорама искусств, 1989, № 12, с. 338–352.

Космолинская Г. А. Парижская библиотека Ф. В. Каржавина: новые находки // Книга: Исследования и материалы. М., 2013, сб. 99 (3/4), с. 173–191.

Матханова Н. П. В. Д. Бонч-Бруевич и «академическое дело»: помощь репрессированным историкам // Сибирская ссылка. Иркутск, 2017, с. 519–535.

Об освещении жизни и деятельности Ф. В. Каржавина (Дискуссия об общественно-политических взглядах Каржавина) // Вопросы истории, 1987, № 12, с. 159–168.

Полонская И. М. Книги из библиотеки и с автографами Ф. В. Каржавина в собрании отдела редких книг // Труды ГБЛ. История книги. Работы отдела редких книг, т. 14. М., 1978, с. 130–164.

Старцев А. И. Был ли Каржавин другом Радищева? // Вопросы литературы, 1971, № 4, с. 168–173.

Успенский Б. А., Шишкин А. Б. Тредиаковский и янсенисты // Успенский Б. А. Вокруг Тредиаковского. Труды по истории русского языка и русской культуры. М., 2008, с. 319–456.

Ф. В. Каржавин. Письма отцу (Публикация и комментарий С. Р. Долговой) // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980, с. 224–241.

Barbeau de la Bruyère J.-L. Explication générale de la Mappemonde Historique... Paris: J.-Th. Hérisant, 1750.

Barbeau de la Bruyère J.-L. Mappemonde historique ou carte chronologique, géographique et généalogique des états et empires du monde. Paris: Ph. Buache, 1750.

Catalogue des livres de Jean-Thomas Hérisant, libraire a Paris, rue S. Jacques, au coin de la rue de la Pacheminerie, a S. Paul & a S. Hilaire. [Paris], 1760.

Chapotin M. D. Une page de l'histoire du vieux Paris. Le Collège de Dormans-Beauvais et la Chapelle Saint-Jean-l'Évangéliste. Paris, 1870.

Combeau Y. Le comte d'Argenson, Ministre de Louis XV (1696–1764). Paris, 1999.

Compère M.-M. Les collèges français, 16e–18e siècles. Répertoire 3 – Paris. Paris, 2002.

Compère M.-M. Les pensions à Paris (1789–1820) // Revue du Nord. Année. 1996, p. 823–835.

Description historique de l'empire russe, traduite de l'ouvrage allemand de M. le baron de Strahlenberg..., vol. 1–2. Amsterdam – Paris, 1757.

Lacroix L. Notice historique sur l'Institution Savouré. Paris, 1853.

Launay A. L'ancien collège de Beauvais (1545–1791) // Bulletin de la Société d'études historiques, géographiques et scientifiques de la région parisienne, 1954, n° 82–83, p. 1–20; n° 84, p. 11–27.

Les Français en Russie au siècle des Lumières. Dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones européens en Russie de Pierre le Grand à Paul Ier. Sous la dir. de A. Mézin, V. Rjéoutski, vol. II. Ferney-Voltaire, 2011.

Mellot J.-D., Queval É., avec coll. de Monaque A. Répertoire d'imprimeurs / libraires (vers 1500 – vers 1810). Paris, 2004.

Noguès B. La maîtrise ès arts en France aux XVIIe et XVIIIe siècles. Rites universitaires, épreuves scolaires et usages sociaux d'un grade // Histoire de l'éducation : Institutions et pratiques scolaires dans la longue durée (XVIe–XIXe siècles). Sous la dir. de Ph. Savoie et B. Noguès, 2009, n° 124, p. 95–134.

Notice historique sur la vie et les ouvrages de M. Barbeau de La Bruyère, mort en 1781 // Mercure de France. Paris, 1782, n° 4, 26 janvier, p. 148–153.

Omont H. Nouvelles acquisitions du Département des manuscrits de la Bibliothèque Nationale pendant les années 1913–1914 // Bibliothèque de l'École des chartes, t. 76, 1915, p. 5–96.

References

- Berezin-Shiriaev Ia. F.* Nikolai Pavlovich Durov: iz vospominanii bibliofila [Nikolay Pavlovich Durov: From the Memoirs of a Bibliophile]. Sankt-Peterburg, 1887. (In Russ.)
- Bolkhovitinov N. N.* Byl li F. V. Karzhavin amerikanskim «korrespondentom» N. I. Novikova? [Was Th. V. Karjavine an American «correspondent» of N. I. Novikov?] // *Voprosy istorii* [Problems of History], 1986, № 4, p. 170–172. (In Russ.)
- Dolgova S. R.* Sud'ba biblioteki Fedora Karzhavina [The Fate of the Library of Théodore Karjavine] // *Al'manakh bibliofila* [Bibliophile Almanac], vyp. 2. Moskva 1975, p. 166–168. (In Russ.)
- Dolgova S. R.* Tvorcheskii put' F. V. Karzhavina [The Creative Activity of Th. V. Karjavine]. Leningrad, 1984. (In Russ.)
- [*Durov N. P.*] Fedor Vasil'evich Karzhavin: ego zhizn' i pokhozhdeniia v Starom i Novom svete, 1745–1812 gg. Biograficheskii ocherk po neizdannym materialam [Théodore Vasilievich Karjavine: his life and adventures in the Old and New Worlds, 1745–1812. Biographical essay on unpublished materials] // *Russkaia starina* [Russian Antiquity], vol. 12, n° 2, 1875, p. 272–295. (In Russ.)
- Kiselev M., Lystsova A.* Problema dvorianskogo obrazovaniia v publitsistike i v pravitel'svennoi politike Rossiiskoi imperii na rubezhe 1750-kh i 1760-kh godov [The Problem of Noble Education in Periodical Press and Government Policy of the Russian Empire at the turn of the 1750s and 1760s] // *Ideal vospitaniia dvorianstva v Evrope: XVII–XIX veka* [The Ideal of Noble Education in Europe: XVII–XIX Centuries]. Moskva, 2018. (In Russ.)
- Kogan Iu. Ia.* Ocherki po istorii russkoi ateisticheskoi mysli XVIII v. [Essays on the History of Russian Atheistic Thought of the XVIIIth Century]. Moskva, 1962. (In Russ.)
- Kosmolinskaia G. A.* Neizvestnyi al'bom F. V. Karzhavina «Vidy starogo Parizha» [Unknown Album «Views of old Paris» by Théodore Karjavine] // *Panorama iskusstv* [Panorama of the Arts], 1989, № 12, p. 338–352. (In Russ.)
- Kosmolinskaya G. A.* Parizhskaia biblioteka F. V. Karzhavina: novye nakhodki [The Parisian Library of Th. V. Karjavine: A New Finds] // *Kniga: Issledovaniia i materialy* [Book: Researches and Materials], vol. 99 (3/4). Moskva, 2013, p. 173–191. (In Russ.)
- Matkhanova N. P.* V. D. Bonch-Bruevich i «akademicheskoe delo»: pomoshch' repressirovannym istorikam [V. D. Bonch-Bruevich and «Academic Case»: The Help to Repressed Historians] // *Sibirskaiia ssylka* [Siberian Exile]. Irkutsk, 2017, p. 519–535. (In Russ.)
- Ob osveshchenii zhizni i deiatel'nosti F. V. Karzhavina (Diskussiia ob obshchestvenno-politicheskikh vzgliadakh Karzhavina) [On the Coverage of the Life and Activities of Th. V. Karjavine (Discussion on the Sociopolitical Views of Karjavine)] // *Voprosy istorii* [Problems of History], 1987, № 12, p. 159–168. (In Russ.)
- Polonskaia I. M.* Knigi iz biblioteki i s avtografami F. V. Karzhavina v sobranii otdela redkikh knig [Books from the Library and Autographed by Th. V. Karjavine in the Collection of the Department of Rare Books] // *Trudy GBL. Istoriia knigi. Raboty otdela redkikh knig*. [Transactions of the GBL. The History of the Book. The Works of the Department of Rare Books]. Moskva, 1978, vol. 14, p. 130–164. (In Russ.)
- Startsev A. I.* Byl li Karzhavin drugom Radishcheva? [Whether Karjavine was a Friend of Radishchev?] // *Voprosy literatury* [Problems of the Literature], 1971, № 4, p. 168–173. (In Russ.)
- Th. V. Karjavine. Pis'ma ottsu (Publikatsiia i kommentarii C.R. Dolgovo) [Th. V. Karjavine. Letters to his Father (Publ. and comment. by C. P. Dolgova)] // *Pis'ma russkikh pisatelei XVIII veka* [Letters of Russian Writers of the XVIIIth Century]. Leningrad, 1980, p. 224–241. (In Russ.)
- Uspenskii B. A., Shishkin A. B.* Trediakovskii i iansenisty [Trediakovsky and Jansenists] // *Uspenskii B. A. Vokrug Trediakovskogo. Trudy po istorii russkogo iazyka i russkoi kul'tury* [Uspensky B. A. Around Trediakovsky. Transactions on the History of the Russian Language and Russian Culture]. Moskva, 2008, p. 319–456. (In Russ.)
- Barbeau de la Bruyère J.-L.* Explication générale de la Mappemonde Historique... Paris: J.-Th. Herissant, 1750.
- Barbeau de la Bruyère J.-L.* Mappemonde historique ou carte chronologique, géographique et généalogique des états et empires du monde. Paris, 1750.
- Catalogue des livres de Jean-Thomas Hérissant, libraire a Paris, rue S. Jacques, au coin de la rue de la Pacheminerie, a S. Paul & a S. Hilaire. [Paris], 1760.

Chapotin M. D. Une page de l'histoire du vieux Paris. Le Collège de Dormans-Beauvais et la Chapelle Saint-Jean-l'Évangéliste. Paris, 1870.

Combeau Y. Le comte d'Argenson, Ministre de Louis XV (1696–1764). Paris, 1999.

Compère M.-M. Les collèges français, 16e–18e siècles. Répertoire 3 – Paris. Paris, 2002.

Compère M.-M. Les pensions à Paris (1789–1820) // *Revue du Nord*. Année. 1996, p. 823–835.

Description historique de l'empire russe, traduite de l'ouvrage allemand de M. le baron de Strahlenberg..., vol. 1–2. Amsterdam – Paris, 1757.

Lacroix L. Notice historique sur l'Institution Savouré. Paris, 1853.

Launay A. L'ancien collège de Beauvais (1545–1791) // *Bulletin de la Société d'études historiques, géographiques et scientifiques de la région parisienne*, 1954, n°82–83, p. 1–20; n° 84, p. 11–27.

Les Français en Russie au siècle des Lumières. Dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones européens en Russie de Pierre le Grand à Paul Ier. Sous la dir. de A. Mézin, V. Rjéoutski, vol. II. Ferney-Voltaire, 2011.

Mellot J.-D., Queval É., avec coll. de Monaque A. Répertoire d'imprimeurs / libraires (vers 1500 – vers 1810). Paris, 2004.

Noguès B. La maîtrise ès arts en France aux XVIIe et XVIIIe siècles. Rites universitaires, épreuves scolaires et usages sociaux d'un grade // *Histoire de l'éducation : Institutions et pratiques scolaires dans la longue durée (XVIe– XIXe siècles)*. Sous la dir. de Ph. Savoie et B. Noguès, 2009, n°124, p. 95–134.

Notice historique sur la vie et les ouvrages de M. Barbeau de La Bruyère, mort en 1781 // *Mercure de France*. Paris, 1782, n° 4, 26 janvier, p. 148–153.

Omont H. Nouvelles acquisitions du Département des manuscrits de la Bibliothèque Nationale pendant les années 1913–1914 // *Bibliothèque de l'École des chartes*, t. 76, 1915, p. 5–96.